

ПОНЯТИЕ «УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Глухова О.В.

Несомненно, что от точности и корректности законодательного определения понятия и признаков преступления напрямую зависит действенность соответствующей нормы, правильность правоприменительной практики и, в конечном итоге, гарантированность основных прав и свобод человека в уголовно-правовой сфере. В полной мере это относится и к понятию «укрывательство преступлений», которое на сегодняшний день является одним из малоизученных в белорусском уголовном праве. Последние глубокие исследования в этой области проводились в 60–80-е годы XX века в монографиях по вопросам прикосновенности к преступлению Г. Баймурзина, И.А. Бушуева, Г. Витгенберга и П. Панченко, М.Х. Хабибуллина и т.д. Затем наблюдается практически 20-летний период забвения рассматриваемой проблематики, интерес к которой возродился только в последние пятнадцать лет среди российских ученых (А.Д. Макаров, В.Г. Трифонов, А.П. Козлов и др.). Белорусскими правоведами исследования в данной области не проводились. Изучение понятия «укрывательство преступлений» предполагает использование общефилософского диалектического метода познания, анализа литературных и правовых источников, обобщения полученных данных, формально-юридического и сравнительно-правового методов.

Укрывательство преступлений в соответствии с действующим уголовным законом бывает двух видов: заранее обещанное и заранее не обещанное.

Объектом данного исследования выступают общественные отношения в связи с заранее не обещанным укрывательством, которое состоит «не в помощи к совершению преступления, а в действиях, имеющих целью парализовать юстицию» [1, с. 160].

В науке уголовного права выработан ряд подходов к определению понятия укрывательства.

Различаются понятия укрывательства в широком смысле (общее понятие) и в узком (заранее не обещанное укрывательство в собственном смысле этого слова). К примеру, определения А.С. Горелика и Л.В. Лобановой:

1. Укрывательство – это сокрытие преступника или преступления, то есть орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем.

2. Заранее не обещанное укрывательство – деятельность лица, которое не участвовало в совершении преступления в качестве исполнителя или другого соучастника, то есть не оказывало и заранее не обещало оказать какую-либо помощь исполнителю, но после совершения им преступления приняло меры по сокрытию преступника или следов преступления [2, с. 202–203].

Г. Баймурзин выделяет только укрывательство в собственном смысле слова. Заранее обещанное укрывательство, по его мнению, «правильнее было бы именовать интеллектуальным пособничеством в форме обещания скрыть преступника или следы преступления, поскольку сам факт укрывательства в данном случае не содержит признаков уголовно-наказуемого деяния» [3, с. 96].

Термин «укривательство» в большинстве изученных источников и в данной работе понимается именно только как деятельность, заранее не обещанная.

Современные российские правоведы подвергают критике понятие укрывательства, отраженное в ст. 316 УК Российской Федерации: «Заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений...». Приведенная диспозиция является простой, называет деяние, не раскрывая его признаков, что и вызывает нарекания. А.Д. Макаров признает более удачными нормы УК РСФСР 1960 г., в Общей части которого имелась статья, раскрывавшая содержание укрывательства. Он также предлагает в диспозиции ст. 316 УК РФ назвать предмет укрывательства – преступник, следы преступления, орудия и средства совершения преступления, предметы, добытые преступным путем [4, с. 92–93].

Не удовлетворяет ученых и наименование статьи «Укрывательство преступления». Имеются суждения о необходимости заменить его на «Укрывательство преступления и преступника» [5, с. 39] либо «Укрывательство преступления и лица, его совершившего» [4, с. 93]. С одной стороны, это более соответствует содержанию нормы, с другой – будет оказывать профилактическое воздействие на граждан даже без ознакомления с ее текстом.

Изучение зарубежного уголовного законодательства показывает, что в абсолютном большинстве нормы об укрывательстве имеют описательные

диспозиции, отличающиеся разной степенью конкретизации признаков наказуемого деяния. Как простые сформулированы диспозиции ст. 396 УК Украины и ст. 180 УК Эстонской Республики, однако в Общих частях этих кодексов содержатся более развернутые определения (ч. 6 ст. 27 УК Украины, ст. 18 УК Эстонской Республики). Для некоторых уголовных законов характерно слишком подробное описание признаков укрывательства, что также неудачно, поскольку делает норму достаточно сложной для восприятия и уяснения сущности рассматриваемого состава преступления. Например, по ст. 451 УК Испании наказывается тот, кто примет участие в преступлении после его совершения: 1) оказывая помощь исполнителям или соучастникам в получении выгоды, дохода или цены за преступление, без умысла собственной выгоды; 2) скрыв, изменив или уничтожив труп, имущество или орудие преступления, с целью помешать его раскрытию; 3) помогая лицам, гипотетически ответственным в преступлении, уклониться от расследования, осуществляемого должностными лицами или представителями власти, либо помогая им скрыться от их розыска или ареста при наличии ряда обстоятельств, указанных в данной статье.

В ч. 1 ст. 405 УК Республики Беларусь содержится следующее определение: «Заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем». По ч. 2 данной статьи наказывается то же деяние в отношении особо тяжкого преступления. Таким образом, конструкция диспозиции ст. 405 УК выглядит вполне удачной. В ней отсутствует схематичность, не позволяющая однозначно определить сущность укрывательства как преступления, и излишняя детализация его признаков, которая может быть дана в комментарии к законодательству. Тем не менее, на наш взгляд, требуется внести ряд редакционных изменений в рассматриваемую норму уголовного закона.

Во-первых, исчерпывающий перечень способов укрывательства дать не возможно, в законе он должен быть оставлен открытым. В зависимости от конкретных обстоятельств дела, личностных качеств, фантазии, возможностей преступников (укрывателя и укрываемого) способы сокрытия могут быть различными – от самых простых до наиболее изощренных. Поэтому согласимся с А.П. Козловым в том, что более целесообразно сделать акцент в диспозиции статьи на укрывательство, совершенное любым способом [6, с. 99].

С данным вопросом связана обсуждаемая в научной литературе проблема возможности так называемого интеллектуального укрывательства. Его противники ссылаются на то, что: 1) укрывательство – действия только физические «по смыслу закона» [7, с. 48; 8, с. 76], исходя «из филологического значения понятия укрывательства» [3, с. 104]; 2) интеллектуальное укрывательство не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, либо вообще не наказуемо, либо наказуемо как иное преступление против правосудия.

Эти доводы сомнительны, потому что, с одной стороны, на практике вполне вероятны случаи совершения укрывательства, не связанного с физи-

ческими действиями (например, предоставление ложных сведений во время проведения оперативно-розыскных мероприятий, предупреждение преступника о предстоящем задержании, дача советов о том, где и как «безопаснее» укрыться и т. д.). С другой стороны, в понятии укрывательства акцент делается лишь на указание активной формы поведения лица без уточнения ее конкретных проявлений. Возможны ситуации перерастания интеллектуального укрывательства в физическое или их одновременное присутствие в деянии лица, поэтому данная классификация для квалификации в целом безразлична и не нуждается в законодательном закреплении, но должна быть учтена в УК, чтобы правоприменительные органы могли справедливо решать вопрос об ответственности во всех случаях совершения действий, реально способствующих сокрытию преступления, безотносительно к их конкретному способу.

Во-вторых, желательно ввести в ст. 405 УК указание на возможность совершения укрывательства только умышленным действием в отношении преступления, совершенного другим лицом. Сознанием укрывателя должны охватываться: а) характер укрываемого преступления и б) общественная опасность собственного деяния.

В литературе признается обязательным признаком субъективной стороны укрывательства цель – скрыть преступление [9, с. 18–19; 10, с. 77; 11, с. 19]. Думается, что здесь происходит смешение волевого момента умысла и предполагаемой цели укрывательства. Из того, что лицо желает совершать противоправные действия по укрывательству преступления, делается вывод о том, что оно стремится к достижению цели скрыть преступление, противодействовать органам уголовного преследования. Если следовать такой логике, то любое преступление, совершаемое с прямым умыслом, должно иметь цель как обязательный признак субъективной стороны, что неверно. Кроме того, сторонники этого подхода упорно говорят об общественно опасном результате (неизобличение преступления), к которому должен «субъективно стремиться» укрыватель [3, с. 105; 9, с. 18], игнорируя конструкцию объективной стороны укрывательства, имеющего формальный состав. Желание совершить действия по сокрытию преступления не обязательно должно преследовать цель воспрепятствовать органам правосудия в их деятельности. Например, действуя из страха, виновный укрывает преступника, имея цель самозащиты, охраны своего здоровья, имущества и т. п. от посягательств со стороны укрываемого. Укрывательство может иметь и другие цели, в том числе благие, по мнению укрывателя; он может руководствоваться различными мотивами, не только низменными. Таким образом, не следует указывать в понятии укрывательства названную цель в качестве обязательной. Укрывательство следует признавать преступлением независимо от мотивов и целей.

В-третьих, нуждается в корректировке подход законодателя к определению субъекта заранее не обещанного укрывательства преступлений. Уголовные законы многих государств предусматривают возможность освобождения от ответственности родственников укрываемого преступника. В соот-

ветствии с примечаниями к ст. 316 УК Российской Федерации и ст. 363 УК Республики Казахстан не подлежат ответственности за укрывательство супругов и близкие родственники лица, совершившего преступление. Аналогичная рекомендация дана странам-участницам СНГ в примечании к ст. 326 Модельного УК. Согласно § 2 ст. 239 УК Республики Польша, не подлежит наказанию виновный, который укрывает самое близкое ему лицо – супруга, родственников по восходящей и нисходящей линии, братьев и сестер, свойственников по той же самой линии или степени, лиц усыновленных и их супругов, а также совместно проживающих лиц. По ст. 454 УК Испании укрыватель освобождается от наказания, если он является супругом, лицом, находящимся в устойчивой связи, подобной брачным отношениям, восходящим или нисходящим родственником, родным или приемным братом или другим родственником такой же степени родства виновному.

Конституционный Суд Республики Беларусь в Заключении от 25 марта 1999 г. № 3-77/ 99 определил, что ответственность за укрывательство близких родственников или членов семьи лица, совершившего преступление, может быть поставлена в зависимость не только от степени общественной опасности совершенного преступления, но и от формы совершаемых действий и мотивов их совершения. Нередко указанные лица могут оказаться в таких ситуациях, когда страх перед угрозой наказания, которому будет подвергнуто близкое им лицо, явится наиболее значимым мотивом, предопределившим характер их поведения. Отсюда не исключается возможность предусмотреть норму об освобождении от ответственности близких родственников и членов семьи лица, совершившего преступление, за его заранее не обещанное укрывательство.

Безусловное освобождение от уголовной ответственности за укрывательство родственников виновного нецелесообразно с точки зрения опасности укрываемого преступления, защиты наиболее важных конституционных прав граждан (жизни, здоровья, общественной безопасности и т. п.).

Вместе с тем можно назвать категории лиц, с которыми у субъекта, совершившего основное преступление, имеются более тесные взаимоотношения, чем даже с членами семьи и близкими родственниками. Поэтому следует при установлении факультативности наказания за укрывательство не обуславливать «близость» только родственными отношениями [12, с. 64]. Употребление в норме об освобождении от ответственности понятия «близкие» позволит охватить все вероятные случаи совершения укрывательства в связи с особыми доверительными, дружескими отношениями между укрываемым и укрывателем.

Изменение наименования ст. 405 УК, на наш взгляд, не вызвано необходимостью. Понятием «укрывательство преступления» охватывается и укрывательство лица, его совершившего, что вытекает из признания субъекта обязательным элементом состава любого преступления. Соккрытие преступника – один из способов укрывательства совершенного им преступления, наравне с со-

крытием орудий, средств, следов преступления, добытых преступным путем предметов, поэтому нет оснований особо выделять его в названии статьи.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о необходимости изменения ч. 1 ст. 405 УК Республики Беларусь и определить понятие укрывательства следующим образом: «1. Заранее не обещанное сокрытие лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, либо иные умышленные действия, направленные на сокрытие тяжкого преступления, совершенного другим лицом (укрывательство преступления)».

Необходимо дополнить ст. 405 УК Примечанием следующего содержания: «С учетом личности виновного и лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, мотивов и целей содеянного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления и иных обстоятельств дела, от уголовной ответственности за укрывательство могут быть освобождены близкие лица, совершившего преступление».

Список использованных источников

1. Лохвицкий, А.В. Курс русского уголовного права / А.В. Лохвицкий. – СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. – 710 с.
2. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 491 с.
3. Баймурзин, Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению / Г. Баймурзин. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 188 с.
4. Макаров, А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Д. Макаров. – М., 2004. – 176 с.
5. Косякова, Н. Укрывательство преступления и преступника / Н. Косякова // Законность. – 1998. – № 10. – С. 38–40.
6. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
7. Хакимов, И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества / И.Х. Хакимов. – Ташкент: Фан, 1982. – 124 с.
8. Чучаев, А.И. Преступления против правосудия / А.И. Чучаев. – Ульяновск: Дом печати, 1997. – 80 с.
9. Виттенберг, Г. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: учеб. пособие / Г. Виттенберг, П. Панченко. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1976. – 50 с.
10. Гелашвили, В.С. Заранее не обещанное укрывательство – преступление против правосудия / В.С. Гелашвили // Вестник Московского университета. Серия «Право». – 1978. – № 3. – С. 74–78.
11. Трифонов, В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.Г. Трифонов; Санкт-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2000. – 26 с.

12. Исаев, М. О наказуемости родственного укрывательства и недоносительства // Советское право. – 1924. – № 1(7). – С. 48–64.

Дата поступления статьи – 14.09.2011.

Настоящая статья посвящена детальному рассмотрению содержания понятия «укрывательство преступления» с позиций науки уголовного права и его законодательного закрепления. Анализируются различные определения данного понятия, предлагаемые учеными-правоведами, а также содержащиеся в нормах уголовных законов некоторых зарубежных стран. Приводятся дефиниции понятия «укрывательство преступлений» в широком и в узком смысле этого слова. Обосновывается правильность его употребления применительно только к составу заранее не обещанного укрывательства преступлений, нецелесообразность распространения на такие же заранее обещанные действия, которые относятся к интеллектуальному пособничеству преступлению. По итогам проведенного исследования автором формулируется и предлагается на обсуждение новая редакция части 1 статьи 405 Уголовного кодекса Республики Беларусь и примечание к данной статье.

The article is devoted to detailed consideration of the essence of “crime concealment” concept from the point of view of criminal Law science and its legislative fastening. Various definitions of this concept offered by scientists-jurists and also those being in the norms of criminal laws of foreign countries are analyzed. The definitions of “crime concealment” concept in the wide and narrow sense of this world are given. The correctness of its use towards the structure of previously non-promised crime concealment, inexpediency of distribution on the same previously promised actions concerning intellectual complicity to crime is proved. According to the carried out research the author formulates and suggests the discussion of a new edition of part 1 of article 405 of Criminal Code of the Republic of Belarus and the notes to the given article.